

Самарин Дмитрий Александрович

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ЯЗЫКА В ТЕОРИЯХ ЛИНГВИСТОВ XIX-XX СТОЛЕТИЙ

В статье анализируются взгляды зарубежных и отечественных учёных-лингвистов на социальную и психологическую стороны языка в XIX-XX веках. Продемонстрированы развитие понимания психологизма и критичное отношение к нему. Выявлено влияние немецких лингвистов на становление психологических идей в русском языкознании. Доказана ведущая роль Казанской лингвистической школы в исследовании языка с социальной стороны. Метод эксперимента обоснованно признан наиболее эффективным приёмом в проведении социально-психологических исследований языка.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/9-1/44.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (39): в 2-х ч. Ч. I. С. 159-162. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**THEMATIC GROUPS OF PHYTONYMS IN AUTOBIOGRAPHIC WORKS ABOUT CHILDHOOD
(BY THE MATERIAL OF THE SHORT NOVELS OF S. T. AKSAKOV "CHILDHOOD YEARS
OF BAGROV GRANDSON" AND A. N. TOLSTOY "NIKITA'S CHILDHOOD")**

Sal'nikova Vera Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Bashkir State University (Branch) in Birsik
salnikova.v.v@gmail.com

The article is devoted to the study of phytonyms as elements which represent a substantive fragment of linguistic worldview of a child. The author considers thematic groups of phytonyms (trees, bushes, herbaceous plants, flowers, fruit, vegetables, mushrooms, parts of plants) in Russian fictional autobiographical literature about childhood. The method of dictionary definitions, contextual and comparative analysis is used to describe linguistic units. The texts of the short novels of S. T. Aksakov "Childhood Years of Bagrov Grandson" and A. N. Tolstoy "Nikita's Childhood" serve as the material for the research. On the basis of the conducted analysis the author concludes that phytonyms take a major place in linguistic worldview of the main characters so long as a child of the epoch of S. T. Aksakov and A. N. Tolstoy was close to the world of nature.

Key words and phrases: phytonyms; thematic groups; linguistic worldview of a child; S. T. Aksakov; A. N. Tolstoy.

УДК 81'23; 81'27

Филологические науки

В статье анализируются взгляды зарубежных и отечественных учёных-лингвистов на социальную и психологическую стороны языка в XIX-XX веках. Продемонстрированы развитие понимания психологизма и критичное отношение к нему. Выявлено влияние немецких лингвистов на становление психологических идей в русском языкознании. Доказана ведущая роль Казанской лингвистической школы в исследовании языка с социальной стороны. Метод эксперимента обоснованно признан наиболее эффективным приёмом в проведении социально-психологических исследований языка.

Ключевые слова и фразы: язык; апперцепция; психологизм; социолингвистика; синхрония; диахрония; субъективный метод; эксперимент.

Самарин Дмитрий Александрович, к. филол. н.

Байкальский государственный университет экономики и права (филиал) в г. Якутске
dsamarin2011@yandex.ru

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ЯЗЫКА
В ТЕОРИЯХ ЛИНГВИСТОВ XIX-XX СТОЛЕТИЙ[©]**

Интерпретация самого понятия «язык» на рубеже XIX-XX вв. была различной в психологии и языкознании. Доминирующим методологическим принципом в лингвистике данного периода стал психологизм. Характерный пример психологической трактовки языка представляют идеи Г. Штайнталя и В. Вундта, сформулированные под влиянием В. фон Гумбольдта.

Г. Штайнталь (1823-1899) считал язык не недвижимой сущностью, а деятельностью со своим бытием (Dasein) и способностями. Учёный в возвышенном стиле интерпретировал язык в качестве посредника человеческого духа: «Язык проявляется таким необычным образом как спутник и медиум каждого духовного движения, как средство для обучения и узнавания, как собственная энергия сознания, что сразу охотно признаешь за его изучением высшее значение для психологии, чем за любой другой деятельностью духа» [11, S. 42]. Уже в одной этой формулировке отчётливо показано, что исследование языка в концепции Г. Штайнталя имеет насквозь психологизированный характер.

В. Вундт (1832-1920), в отличие от Г. Штайнталя, в основу психологической интерпретации языковых фактов положил апперцепцию (активный умственный процесс структурирования внутреннего опыта). Эти идеи отражены в книге В. Вундта «Völkerpsychologie» («Психология народов»). Он отвергал теорию Г. Пауля (1846-1921) об индивидуальном развитии языка, который резко высказался против существования психологии народов. В «Prinzipien der Sprachgeschichte» («Принципах истории языка») Г. Пауль писал: «Основная мысль, которая всё пронизывает, та, что психология народов именно так относится частично к отдельным народам, частично к человечеству как целому, как то, что просто называют психологией, – к отдельному человеку» [10, S. 13]. Г. Пауль считал эту основную идею фикцией, основанной на многократной логической подмене.

К чему же В. Вундт относил свою народную психологию? По этому поводу исследователь безапелляционно заявлял: «Естественно, народно-психологические проявления, поскольку они участвуют в общем историческом развитии человечества, все без исключения также относятся к содержанию истории» [12, S. 2]. В. Вундт подчеркнул полную независимость языка от его носителей. Как одна из форм выражения народной

психологии (как нравы и мифы), язык отличается от литературы и искусства отсутствием личного начала. О коллективистской тенденции в языке свидетельствует, в частности, следующее утверждение: «Регулярное и постоянное звуковое изменение – это всегда то, о котором одновременно можно предполагать, что оно охватывает языковое сообщество в широком объёме, что оно, значит, в своём общем течении является коллективным процессом» [Ibidem, S. 404]. Итак, если у Г. Пауля язык зависел от людей, то у В. Вундта, соответственно, – от коллектива, исключая индивидуализм. На основе интроспективного метода В. Вундт узаконил последовательность генетически связанных психологических единиц: ощущения, восприятия, представления и понятия, проверяя их формирование на деятельности сознания.

В статье «Памяти А. Meillet» Л. В. Щерба (1880-1944) выразил критичное отношение в лингвистической среде к теориям В. Вундта. Русский учёный прямо заявлял: «Уже то разочарование, с которым лингвисты встретили первый том *“Völkerpsychologie”* Вундта, объективно показывает, что в ней желали найти нечто другое, чем приложение основ индивидуальной психологии к явлениям языка. Передовые лингвисты были, несомненно, вполне готовы к восприятию социологической трактовки языка» [9, с. 407]. Тем не менее сам Л. В. Щерба не избежал влияния психологических теорий.

Психологизм стал доминирующим методологическим принципом в лингвистике середины XIX – начала XX века. Лингвопсихологические идеи Г. Штейнтала и В. Вундта воздействовали не только на младограмматиков. Сказались они и на представителях русского языкознания, повлияв на А. А. Потебню, И. А. Бодуэна де Куртенэ, В. А. Богородицкого, Л. В. Щербу и других лингвистов.

В духе психологизма И. А. Бодуэн де Куртенэ (1845-1929) выделял в языке физическую и психическую стороны. В работах многих представителей бодуэновско-щербовского направления, у Ф. де Соссюра (1857-1913), у представителей Женевской школы и французской школы социологического течения наблюдается сочетание психологизма с социологизмом. Отход от психологизма представлен в глоссематике Л. Ельмслева и в поздний период развития американского дескриптивизма. Возвращение к психологизму отмечается в позднем генеративизме и в функционально-деятельностной (антропологической) лингвистике.

В 1881-1882 гг. И. А. Бодуэн де Куртенэ предпринял заграничную командировку в Венецию, Париж и Лейпциг. В Париже учёный мог познакомиться с Ф. де Соссюром. Хотя термин «фонема» и был, действительно, заимствован у Ф. де Соссюра, но не само понятие. На этот факт И. А. Бодуэн де Куртенэ указывал в «Некоторых отделах сравнительной грамматики славянских языков». В этой работе дано следующее определение фонемы: «Итак, фонема есть сумма обобщённых антропофонических свойств известной фонетической части слова, неделимая при установлении коррелятивных связей в области одного языка и корреспондентных связей в области нескольких языков» [3, с. 121]. Фонему И. А. Бодуэн де Куртенэ рассматривал как фонетическое неделимое понятие со стороны сравнения фонетических частей слова. Самим же Ф. де Соссюром термин «фонема» был употреблён в 1878 г. в работе «Трактат о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках».

С этим фактом можно связать факт ограниченного влияния «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра на языкознание в СССР 20-х гг. XX столетия. Казанская лингвистическая школа стала первой в мировой лингвистике социально-психологической школой языкознания. В исследовании социальной сущности языка казанские учёные стали предшественниками французской и Женевской школ социальной лингвистики А. Мейе и Ф. де Соссюра, заложив основы нового направления в языкознании – социолингвистики, громко заявившей о себе в науке XX столетия.

По теории Ф. де Соссюра, язык, как социальный продукт речи, – «совокупность необходимых условий, усвоенных общественным коллективом для осуществления этой способности у отдельных лиц» [6, с. 34]. Язык, по Ф. де Соссюру, представлял систему, все части которой должны рассматриваться в их синхронической взаимосвязи.

Но здесь необходимо принять во внимание то, что на разграничение синхронии и диахронии Ф. де Соссюром, несомненно, повлияло его знакомство с теориями учёных Казанской лингвистической школы. В. А. Богородицкий в сноске к своей работе «Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию» прокомментировал это следующим образом: «Итак, идею «синхронизма» при лингвистических сопоставлениях я выдвинул за целую четверть века до появления *“Cours de linguistique générale”* (1916) де Соссюра, который имел в своём распоряжении выше-названную мою немецкую брошюру (*Einige Reformvorschläge...*), и если нет в его книге упоминания о ней, то это я объясняю посмертным изданием его книги, отчасти составленной по записям слушателей» [2, с. 154-155].

Одним из основных положений в исследовании социальной стороны языка казанские учёные считали признание равноправия всех языков. В Казанской лингвистической школе отстаивалась необходимость изучения языков местных народов – татар, марийцев, чувашей и других. В начале нынешнего столетия Г. А. Николаев подчеркнул: «Бодуэн говорил, что Казанский университет самой историей поставлен в исключительные условия, которых не имеет ни один университет России: он расположен в крае, населённом представителями минимум трёх языковых семей – славянской, тюркской и финно-угорской, а потому должен стать центром по изучению языков, культуры, истории народов, носителей этих языков» [4, с. 9]. И. А. Бодуэн де Куртенэ настоял на восстановлении в университете кафедры тюркских и финских языков, организовал факультативное преподавание татарского языка для желающих. Проблемами тюркологии вслед за основателем Казанской лингвистической школы глубоко занимался В. А. Богородицкий, а продолжать эти традиции должен был Г. Шараф.

На психологизм в теории В. А. Богородицкого указывают, прежде всего, названия самих его работ. К ним относятся, например, его лекция 11 «Морфологический анализ слов в психологическом освещении» и «Этюд по психологии речи». Лекция 10 «Психофизиология речи» и лекция 14 «Психо-физиологическое изучение индивидуальных явлений речи» относятся непосредственно к психолингвистике, поскольку смешаны с биолингвистикой мозга (нейролингвистикой).

Несмотря на то, что В. А. Богородицкий признавал основной единицей речи предложение, он проводил психофизиологический анализ речи на примере слов как более простых явлений. Тем не менее и в слове он видел целую систему ассоциаций. Он задавался вопросом, что представляет собой слово с психолингвистической стороны. В лекции 10 исследователь напоминал: «Мы уже знаем, что слово есть звуковой символ представления или понятия, который проявляется произношением у говорящего и слышанием как у говорящего, так и у слушающего» [1, с. 143]. От этого положения учёный переходил к исследованию системы ассоциаций слова.

Экспериментальные исследования фонетики тюркских языков В. А. Богородицким также имеют большое теоретическое и практическое значение. В диссертации «Фоносемантические особенности личных имен в татарском языке» Л. Ф. Осипова отмечала: «В. А. Богородицким с помощью экспериментально-графических приборов получены сведения, какие недоступны невооруженному наблюдению, как например, о длительности элементов слова в сотых долях секунды; о движении тона и амплитуды по отдельным звонким элементам и т.п.» [5, с. 38]. Опыты В. А. Богородицкого непосредственно демонстрируют методологическую ценность лингвистического эксперимента, изменяющего мнение о языке, который, при сопричастности процессу его познания, превращается из пассивного объекта в субъект исследования.

Л. В. Щерба считал язык не столько социальным, сколько психологическим феноменом. Психология была для Л. В. Щербы средством, позволявшим через языковое сознание носителей языка лучше понять его сущность и структуру. Психологическую природу инвариантных представлений он противопоставлял физической природе их реализаций в речи. Поэтому Л. В. Щерба единым фонетическим методом признавал субъективный метод. В статье «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» Л. В. Щерба заявлял лишь о частичном выявлении процессов речевой деятельности при психологической интроспекции. Все языковые уровни словаря и грамматики не даны в прямом психологическом (физиологическом) опыте, а получаются лишь из процессов говорения и понимания, из речевого материала, обозначенного Л. В. Щербой как «совокупность всего говоримого и понимаемого в определённой конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы» [8, с. 26]. Под этим материалом он понимал тексты, а именно литературу, рукописи, книги. Материализм в лингвистике воздействовал на трактовку фонемы Л. В. Щербой в 1937 г. как диалектического единства общего и частного. В этот период он понимал фонему как звуковой тип, способный дифференцировать слова и их формы, а оттенок фонемы – как её частную реализацию.

Психологизация фонетики была присуща не только представителям Казанской и Ленинградской лингвистических школ. Подобным образом и Н. С. Трубецкой считал, что при исследовании произносительной стороны речевого акта фонетист имеет дело с психологией автоматизированных действий. Тем не менее в «Основах фонологии» он утверждал: «Однако, несмотря на то, что область фонетики лежит в сфере психического, методы фонетики являются естественнонаучными» [7, с. 17]. Рассуждения Н. С. Трубецкого об экспериментальной психологии сближают его фонетическую теорию с концепцией В. А. Богородицкого, значительная роль в которой отводится именно фонетическим экспериментам.

Таким образом, развитие социально-психологических представлений в западной лингвистике происходило при взаимодействии с концепциями русских учёных. В современной лингвистической науке эксперимент является эффективным приёмом лингвистической аргументации. Без эксперимента не представляется возможным полное выявление социально-психологических установок языка. Но видимая ограниченность экспериментального подхода в лингвистике препятствует должной оценке его методологического статуса в научной среде.

Список литературы

1. **Богородицкий В. А.** Лекции по общему языковедению Изд-е 3-е. Серия «Лингвистическое наследие XX века». М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 312 с.
2. **Богородицкий В. А.** Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию / вступ. ст. П. Кузнецова. Казань: Татиздат, 1933. X[2]+156 с.
3. **Бодуэн де Куртенэ И. А.** Некоторые отделы сравнительной грамматики славянских языков // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. Т. 1. С. 118-126.
4. **Николаев Г. А.** Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. 20 с.
5. **Осипова Л. Ф.** Фоносемантические особенности личных имен в татарском языке: дисс. ... к. филол. н. Елабуга: Елабужский государственный педагогический университет, 2008. 150 с.
6. **Соссюр Ф. де.** Курс общей лингвистики / пер. с фр.; под ред. и с примеч. Р. И. Шор. Изд-е 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
7. **Трубецкой С. Н.** Основы фонологии / пер. с нем.; под ред. С. Д. Кацнельсона. Изд-е 3-е, испр. Серия «Лингвистическое наследие XX века». М.: Издательство ЛКИ, 2010. 336 с.
8. **Щерба Л. В.** О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Изд-е 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 24-39.
9. **Щерба Л. В.** Памяти Антуана Мейе // Языковая система и речевая деятельность. Изд-е 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 405-412.
10. **Paul H.** Prinzipien der Sprachgeschichte. 5. Aufl. Halle a. S.: Verlag von Max Niemeyer, 1920. 432 S.
11. **Steinthal H.** Einleitung in die Psychologie und Sprachwissenschaft. Series: Abriss der Sprachwissenschaft. 2, mit Zusätzen versehene Aufl. Berlin: Ferd. Dümmler Verlagsbuchhandlung, Haecowitz und Gossmann, 1881. XXV. 496 S.
12. **Wundt W.** Völkerpsychologie. Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze Sprache, Mythos und Sitte. Leipzig: Verlag von Wilhelm Engelmann, 1904. Erster Band. Die Sprache. 2. umgearb. Aufl. 1 Teil. 667 S.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL NATURE OF A LANGUAGE IN THE THEORIES OF THE LINGUISTS OF THE XIX-XX CENTURIES

Samarin Dmitrii Aleksandrovich, Ph. D. in Philology
Baikal State University of Economics and Law (Branch) in Yakutsk
dsamarin2011@yandex.ru

The article analyzes the views of the foreign and domestic scientists-linguists on the social and psychological aspects of a language in the XIX-XX centuries. The paper focuses on developing the understanding of psychologism and a critical attitude to it. The author reveals the influence of German linguists on the formation of psychological ideas in the Russian linguistics, justifies a major role of the Kazan Linguistic School in the investigation of a language from the social viewpoint. Method of experiment is reasonably adopted as the most effective technique while conducting the socio-psychological investigations of a language.

Key words and phrases: language; apperception; psychologism; sociolinguistics; synchrony; diachrony; subjective method; experiment.

УДК 82; 821.161.1

Филологические науки

В статье предпринята попытка анализа переводческой рецепции романа Дж. Джойса «Улисс» с точки зрения теории рецептивной эстетики. Материалом для изучения служит перевод 1929 г., выполненный С. Я. Алымовым и М. Ю. Левидовым. Специальное внимание уделяется интересу переводчиков к роману Джойса в сложившихся культурных условиях Советской России тех лет. Анализ перевода позволяет утверждать, что внимание С. Я. Алымова и М. Ю. Левидова к роману Джойса было обусловлено новыми художественными приемами: «потоком сознания» и «натуральностью», создававшими конфликтность восприятия и отказ от общепринятых литературных условностей.

Ключевые слова и фразы: Дж. Джойс; роман «Улисс»; переводческая рецепция; С. Я. Алымов и М. Ю. Левидов; конфликтное новаторство.

Степура Светлана Николаевна

Национальный исследовательский Томский политехнический университет
Lana3670@rambler.ru

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ РОМАНА ДЖ. ДЖОЙСА «УЛИСС» С. Я. АЛЫМОВА И М. Ю. ЛЕВИДОВА: «“УЛИСС” (ФРАГМЕНТЫ)» 1929 Г.®

Рецептивная эстетика воспринимает существование художественного произведения только через призму общения автора с читателем, в результате которого формируется смысл произведения. На протяжении многих веков люди испытывали и продолжают испытывать настойчивую потребность в литературном вымысле и руководствуются желанием не воспроизводить то, что уже было, а найти подход к тому, что недоступно [4]. Теория рецептивной эстетики способна ответить на вопрос, почему возникает интерес к какому-либо произведению на другом языке, произведению «другой» культуры. Для нас не менее важен вопрос, при каких культурных условиях «чужой текст делается необходимым», когда и при каких обстоятельствах наступает момент возникновения необходимости «чужого» текста для творческого развития «своего» [6]. Первыми читателями художественного произведения всегда являются переводчики.

Перевод романа «Улисс» (1922 г.), выполненный С. Я. Алымовым и М. Ю. Левидовым, был опубликован в Москве в «Литературной газете» в 1929 г.; он стал вторым после перевода В. Житомирского 1925 г. Как известно, 1920-м гг. был свойственен плюрализм, в том числе и в литературе. Но уже к концу 1920-х гг. ситуация начинает меняться. 1925 г. считается временем завершения деятельности русской формальной школы, которая к концу 1920-х гг. полностью прекращает свое существование ввиду постоянной критики в свой адрес – изучение литературной формы в Советской России того периода не поощряется. В 1928 г. Левый фронт искусств распадается в связи с выходом из него В. В. Маяковского и О. М. Брика. Литература из русской превращается в пролетарскую, критика становится марксистской. Поиск новых художественных форм и их развитие осложняется тем, что он замыкается в пределах пролетарской литературы. Просветительская функция выпадает на долю современной западной литературы.

Цель данной работы – показать особый интерес переводчиков к роману «Улисс» в создававшихся культурных условиях Советской России тех лет на примере анализа самого перевода, который до сих пор не становился предметом специального изучения. Это важно еще и потому, что С. Я. Алымов, и М. Ю. Левидов не были профессиональными переводчиками, в связи с чем мы не будем рассматривать специальный вопрос об их переводческих стратегиях.